

„АЙДЫН“

СПЕКТАКЛЬ РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО
ТЕАТРА ИМЕНИ САМЕДА ВУРГУНА

Небольшая, бедно убранная комната. Она и она. Он стоит, уверенно расставляя ноги, хорошо одетый: на его нагловатом лице змеится самодовольная и ладная улыбка. А перед ним, на коленях — молодая прекрасная женщина. Ее глаза полны слез, она в глубоком отчаянии, она молит его: — Довлет-бек, закрой мне все, что вам доведет. Мы живем впроголодь, горячо любя друг друга. Не разрушайте нашего тихого счастья... Я не в силах буду смотреть в глаза мужу, если нарушу клятву верности! Лежачего не бьют, Довлет-бек!..

И с этими словами Гюльтекин падает к его ногам. Но горячая молящая молодая женщина, способная, казалось бы, расстрогать и камень, вымывает только гнусную усмешку у Довлет-бека, давно уверовавшего в неотразимую силу денег. Каждая правда совершает то, за что в состоянии уплатить! А эта женщина противится его желаниям... Если бы он не дал работу Айдыну, то его жена была бы, несомненно, теперь более сговорчива! Что ж, это поправимо...

И вот Айдын вновь без средств к жизни. Гюльтекин в отчаянии. Над ее любимым опять нависла опасность. Едва оправившись после тяжелой нервной болезни, он не выдержит нового потрясения. Нет, она не вправе рисковать жизнью того, кто ей дороже всего на свете, ради кого она приняла мученический венец бедности. А выход только один. Его предлагает ей вот невинистый Довлет-бек... Во власти противоречивых чувств, Гюльтекин, понурив голову, бессильно волооча за собой чадру, вся поминная и мучительная сосредоточенная, медленно бредет вдоль сцены... Нет, она должна спасти своего Айдына любой ценой! И Гюльтекин решается. Она вся вдруг выпрямляется, быстро находит на себя чадру и бросается из комнаты, словно боясь передумать.

Так совершается падение прекрасной Гюльтекин, героини драмы «Айдын» Дж. Джабарлы, поставленной Русским драматическим театром.

Артистка Р. Гинабург с большим тактом, проникновенно раскрывает трагедию своей героини, вынужденной ради спасения жизни мужа, забыть о своей чести и человеческом достоинстве. В дальнейшем артистка убедительно показывает, что своей жертвой Гюльтекин только ускорила гибель мужа и погубила себя. И несмотря на двусмысленность ее положения, артистка постоянно находится под обаянием чистоты и высоких душевных качеств героини. В этом большая и несомненная заслуга Р. Гинабург, своей талантливой игрой как бы говорящей зрителю, что человек ни при каких обстоятельствах не должен идти на сделку со своей совестью, ибо это, в конечном счете, обращается против него самого же.

Айдын подговаривает жену в неверности. Сомнения мучают его. Но он не может и не хочет верить в измену своей Гюльтекин, ибо это равноценно для него потере веры в людей вообще. В смысле старой жизни. И он делает последнюю отчаянную попытку вновь уверовать в невинность своей жены. Это стоит ему огромных усилий воли. Он весь — в напряжении, его чувства — будто натянутые до предела струны. И струны лопаются: Айдын застаёт свою Гюльтекин с Довлет-беком...

Артист Б. Чинкин показал себя замечательным исполнителем роли Айдына. С большим мастерством и вдохновенно раскрывает он глубокий, сложный и противоречивый внутренний мир главного героя пьесы. В ряде сцен ему удается достичь подлинного трагизма, особенно в третьем действии и в финале последнего пятого действия.

Проходят годы. Одиноким, опустившимся Айдын ищет забвения в вине. Когда-то он мечтал о славе и

власти, но не смог уберечь собственную жену... Он мечтал дать счастье всем людям, но не смог сделать счастливыми даже одну свою Гюльтекин. И вот, наконец, после долгих скитаний Айдын вновь и своей каморке. Какое ужасное злупление! Много лет назад он безуспешно пытался построить здесь свое счастье, а сейчас здесь похоронены его несбывшиеся надежды... Все, что у него осталось, — это портрет Гюльтекин и воспоминания о ней. В глубоком раздумье, крепко прижав к сердцу этот дорогой портрет, сидит Айдын — Чинкин на жесткой кушетке... И вот сюда же, на это старое пеленяще, робко и неуверенно, с неизъяснимой печалью в застывшем взоре приходит к своему Айдыну поседевшая Гюльтекин...

Но ведь он, Айдын, в душе никогда не считал ее виноватой. Он знает, что во всем повинна проклятая жизнь, власть денег, для которых нет ничего святого, Гюльтекин! Он никогда не видел ее столь прекрасной. Она вновь возмущает его к жизни. Он увезет ее теперь куда-нибудь в глушь, подальше от жестоких и бессердечных людей. Но поздно: Гюльтекин приняла яд... И лютым нечеловеческого ужаса, тоски и боли голодом Айдын вызывает у умирающей на его руках любимой:

— Гюльтекин, дитя мое! Змея жизни моей, почему ты погасла? Встань, дитя мое!.. Встань, божество мое!

Но нет, не дано людям власть воскрешать из мертвых...

Трагедия Айдына весьма показательна для молодого поколения передовой интеллигенции Азербайджана начала XX века. Это трагедия человека, столкнувшегося с беспощадным, жестоким миром золотого тельца, с законами общества, где выживают хищники. Этими хищниками в пьесе выступают Довлет-бек, Новруз-бек и Балахан.

При первом же появлении на сцене Довлет-бека артист ясно видит всю ничтожность его натуры. Наглое, самодовольное лицо с бесстыдными глазами, дешёвая рисовка и любования собой ярко характеризуют его. Вкрадчивый, лживый тон в разговоре с Гюльтекин дополняет картину. К. Мянжишеву, играющему Довлет-бека, удается создать весьма колоритный образ недальнего и до мозга костей развращенного богача, которому, напротив, как и Новруз-беку, нельзя отказать в известном слетском доске, в умении держаться в обществе.

Но кто же в пьесе борется против этого всеобщего васьмиа денег, кто борется за честь, за права простого человека? В пьесе такой борца нет. Показание в пьесе рабочее движение носит стихийный, и эпизодический характер. Требования рабочих не выходят, по существу, за пределы самых элементарных экономических. Нет даже зачатков организации рабочего класса.

Как мы уже видели, Айдын отчаянно борется с капитализмом. Он считает, что главный и исключительный виновник капиталистических порядков — власть денег. Айдын не видит другого выхода, кроме как инсульту человечество в морях крови и ча истлевших костях воздвигнуть дворцы счастья для всех детей земли. В конце концов он теряет веру в целесообразность какой-бы то ни было борьбы. Более того, рабочую массу он вызывает «барантой», что бессознательно толкает в ожидании ножа мясника». В этом-то и заключалась социальная трагедия деклассированных одиноким, побоях Айдыну.

Сцена из спектакля.

Разоблачая ненавистную и угнетающую для человека власть «золотого тельца», молодой драматург («Айдын» — одна из ранних пьес Дж. Джабарлы) не понимал еще действительных корней существующей социальной несправедливости и не видел путей борьбы с ней. А это не могло не сказаться на образе его героя Айдына. Сила и обаяние пьесы заключаются в выраженном в ней гуманизме, в вере в человека. Пусть Айдын не видит путей борьбы, не понимает реального соотношения социальных сил в обществе; пусть даже он верит в прочность эксплуататорского общества, — но он, повсеместно, олицетворяет собой неподкупность честного человека, его непримиримость с любой несправедливостью, с порабощением человеческой личности. В этом парос пьесы, в этом «секрете» ее молодости.

Поэтому нельзя не приветствовать постановку этой пьесы Русским драматическим театром, проделавшим большую работу над спектаклем (режиссер — народный артист Азербайджанской ССР М. К. Ашумов).

Однако, весьма удачным в целом и главным, спектакль не избежал частных, впрочем, вполне устранимых, недочетов. Так, нам кажется мало оправданным то, что К. Мянжише и сценах, отличающихся особой драматической напряженностью (диалог с Гюльтекин), стремится вызвать своей игрой неуместный смех, что нарушает цельность восприятия, являясь в действие определенный диссонанс. В этой же связи хотелось бы отметить также и то, что несколько переигрывают артисты Э. Зеррова и М. Шамкорян, исполняющие роль жены Довлет-бека — Бюж-Ханум. Откровенное стремление артистов выжить в зале смехом таковыми «безобидными», но никак не оправданными приемами, как подчеркнул шаржированный азербайджанский акцент и нарочитая манерность в поведении и диалогах, на наш взгляд, только вредят спектаклю. Большая доля вины за это, безусловно, ложится на режиссера.

Колоритен П. В. Юдия в роли богача Балахана. Запоминается К. Алямов в роли журналиста Мирза-Джавада. Несколько сушеват в роли Сурайя, товарища Айдына, артист М. Алушьян.

Художники М. Сагиян и Б. Афганов со вкусом оформили спектакль. Очень торжественная композиция С. Гиняева.

Обращение Русского драматического театра к творчеству выдающегося азербайджанского советского драматурга Дж. Джабарлы следует расценивать как важное событие в театральной жизни республик. Театр пока еще редко дает русского зрителя постановками лучших произведений азербайджанской драматургии. Спектакль «Айдын» является убедительным свидетельством того, что для восполнения этой проблемы в театре имеются все силы и возможности. Имран СЕНДОВ.